

www.whitehouse.gov.09. 1999; Statement By The President on Welfare Reform. The White House. 1996. July 27; Fact Sheet. U.S. Department of Labour. Welfare-to-Work Grants. The White House.

³¹ Report to Congress on Data Processing and Case Tracking in the Temporary Assistance for Needy Families Program. The White House. 1996. August 22 // www.whitehouse.gov.09. 1999; Fact Sheet. U.S. Department of Labour. Welfare-to-Work Grants. The White House

³² Gross Domestic Product in Current and Real (1992) Dollars: 1929 to 1998. №1434. Op. cit. // www.census.gov/prod/sec31.pdf.08. 1999

³³ Monthly Income Eligibility Limits (for Family of Three), by State // Long S.K. Child Care Assistance under Welfare Reform: Early responses by the States. 1998. № 4. Op. cit. P. 15–19.

³⁴ Remarks by the President at the Signing of the Personal Responsibility and Work Opportunity Reconciliation Act. The Rose Garden. The White House. 1996. August 22.

³⁵ Which Party Best Able to Handle Most Important Problem. 1972–1996. The National Election Studies. The NES Guide to Public Opinion and Electoral Behavior // www.cnn.com/ALLPolitics/1997/political/science/quarterly.11. 1999; The National Governors Association Welfare Reform Proposals: Hearing before the Subcommittee on Human Resources of the Committee on Ways and Means, House of Representatives, 104th Congress, 2nd session, Febr.20, 1996. Wash., 1996; *Allen J. Working Out Welfare* // *Time*. 1996. № 31. July 29.

С.В. Петрова

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (ПО ИТОГАМ ПОСЛЕДНИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ)

Послевоенная политическая жизнь Японии отличается достаточной стабильностью и смещением вектора политических предпочтений влево.

Компрометация праворадикальных сил поражением в войне и демократические преобразования в стране резко сузили социальную базу ультраправого движения. В связи с этим ультраправые организации (с численностью около 150 тыс. человек) перенесли акценты в своей пропагандистской работе с идеализации «расы Ямато» на классово-националистические лозунги, что в определенной степени соответствовало интересам крупного капитала. Не имея широкой социальной базы, японские националисты зачастую прибегали к террористической деятельности. В значительной степени под влиянием требований ультраправых было восстановлено празднование Дня Японской Империи и гимн «Да здравствует Император».

Доминирующей партией в Японии становится Либерально-демократическая партия (ЛДП), центр японского консерватизма, опирающаяся на монополии, государственную бюрократию и идущую по фермерскому пути американского образца деревню.

До середины 1990-х гг. ЛДП имела постоянную относительную прочность политического господства, что было связано с целым рядом благоприятных условий: сила ЛДП заключалась в раздробленности оппозиции (ЛДП единолично представляла интересы крупного капитала); в пользу ЛДП играл имидж организатора «экономического чуда» и повышения жизненного уровня населения; в условиях быстрого экономического роста оппозиционные партии не могли предложить других конструктивных программ-альтернатив экономического развития; на стадии форсированного экономического роста ЛДП даже свой недостаток – фракционность партии, использовала в качестве достоинства: поочередный приход к власти разных фракций, отражавших интересы различных монополистических группировок, создавал впечатление де-

мократичности партии, учета ею критики в своих рядах и вне их, корректировки допущенных ошибок.

С окончанием экономического бума в начале 1970-х гг. и выходом фракционных противоречий из-под контроля партийного руководства началось падение влияния ЛДП, единственной откровенно буржуазной партии, от монопольной правительственной власти. Однако японская буржуазия заранее озаботилась проблемой сохранения своего политического господства после ликвидации однопартийного кабинета либеральных демократов – эта задача решена внедрением в Японии американской системы поочередной смены у власти двух буржуазных партий (на базе отколовшихся от ЛДП группировок были созданы другие буржуазные организации – НКК (Новый либеральный клуб, Консервативная партия и др.) и британской системы поочередного правления буржуазной и правореформистской рабочей партии, не посягающей на устои буржуазного общества. При этом учитывалось, что полевение бывших избирателей ЛДП приведет к смещению их симпатий в пользу партий «среднего пути» в центре политического спектра, а не в пользу левых партий.

Правоцентристская Партия демократического социализма (ПДС) была образована в 1960-е гг. на базе отколовшегося правого крыла Социалистической партии Японии (СПЯ) и представляет собой партию типа лейбористской. Выступая официально за «демократический социализм» и «против правого и левого тоталитаризма», на практике ПДС призывает «не жить под одним небом, не ходить по одной земле с КПЯ». Опорой ПДС является правый профсоюз «Домэй», выражающий интересы «рабочей аристократии» крупных современных предприятий.

Большим влиянием в Японии пользуется буддийская секта «Сака Гакай» («Общество установления

ценности»). Численность секты быстро возросла в 1950–1960-е гг. в результате массовой миграции сельского населения в города. Активная пропагандистская и индивидуальная работа секты с мигрантами, попавшими в чуждые для них условия существования, способствовала отвлечению их от привлекательных лозунгов экстремистов правого и левого толка.

Поскольку Конституция Японии запрещает политическую деятельность религиозных организаций, «Сака Гакай» обошла закон, создав партию «Комэйто» («Партия чистой политики»), ставшую политотделом секты.

СПЯ, крупнейшая левая партия Японии, имеет стабильную поддержку избирателей, опираясь на левый профсоюз «Сохэ» рабочих в основном крупных предприятий. Особенностью партии длительное время было существование левого марксистского Социалистического Клуба как научно-пропагандистского идеологического центра партии, и гораздо более правой парламентской фракции СПЯ. Парламентская фракция социалистов опасается конкуренции в борьбе за голоса левых избирателей со стороны коммунистов, широко применяющих индивидуальные формы работы с населением. Отсюда сложности отношений двух левых партий – КПЯ и СПЯ.

Компартия Японии, в основном опирающаяся на рабочих мелких предприятий, отличается хронической нестабильностью (начиная от преследования со стороны американских оккупационных властей заканчивая попаданием под влияние китайского маоизма с его радикальными воззрениями, что компрометировало КПЯ в глазах избирателей). Программа КПЯ предусматривает «честное применение» существующей Конституции без задач перехода к социализму, установление «демократического контроля» над монополиями (в союзе с мелкими предпринимателя-

ми), национализацию энергетики, создание коалиционного правительства КПЯ-СПЯ-Комэйто. Однако СПЯ и Комэйто всегда склонялись к сотрудничеству с ПДС, отвергая сотрудничество с КПЯ.

На крайне левом фланге японского политического спектра время от времени, особенно в конце 1960-х гг., под влиянием маоистов активизируются ультралевые мелкие организации, отражающие реакцию непролетарских слоев населения на быстрые темпы трансформации японского общества. Не представляя никакой реальной опасности, малочисленные левацкие крикливые группировки со своими призывами к «немедленной» социалистической революции в то же время полезны крупному капиталу, так как компрометируют КПЯ в глазах избирателей, ассоциирующих леваков с коммунистами, которые в Японии достаточно умеренны.

В 1990-е гг. в политической системе Японии происходят значительные изменения, прежде всего связанные с появлением коалиционных правительств в качестве главной действующей политической силы.

Главным итогом последних парламентских выборов, прошедших 25 июня 2000 г., стало сохранение правящей коалиции, состоящей из ЛДП, Комейто и Консервативной партии, сохранившей твердое большинство в палате представителей и получившей возможность оставаться у власти последующие четыре года. ЛДП, подтвердившая место крупнейшей политической силы в стране, опираясь на поддержку партнеров по коалиции, может, в принципе, проводить собственную политику, мало считаясь с мнением оппозиционных партий.

В палате представителей партии правящей коалиции теперь имеют 271 депутата против 209, которые принадлежат к оппозиции и независимым депутатам.

В палате советников соотношение сил также в пользу правящих партий (135 против 117).

Если исходить из сложившейся на данный момент расстановки политических сил, то июньские выборы 2000 г. следует считать победой либерал-демократов и их союзников по правящей коалиции. Однако если рассматривать выборы не как единичный эпизод, а на фоне динамики и тенденций в соотношении политических сил с учетом нюансов японской избирательной системы, то вырисовывается картина отнюдь не благостная для правящих партий.

Обратимся сначала к некоторым особенностям, характерным для обстановки, в которой состоялись выборы.

Это были вторые выборы, проводимые по предусмотренному в 1994 г. порядку избрания членов палаты представителей. Тогда вместо прежнего избрания всего состава палаты в многомандатных округах (от двух до шести депутатов в одном округе) была введена более сложная система: 300 членов палаты избираются относительным большинством в одномандатных округах, а еще 200 по пропорциональной системе, партийным спискам в одиннадцати территориальных блоках. Пересмотр порядка выборов палаты осуществлялся в рамках политической реформы, ставившей целью «очиститься от грязной политики» и обеспечить сменяемость власти. Идею избрания большинства депутатов палаты представителей в одномандатных округах в то время отстаивали либерал-демократы, отстраненные от власти, считая, что это послужит их возвращению к единоличному правлению, и сторонники формирования в Японии системы двух крупных партий, соперничающих между собой за власть, но довольно близких по мировоззрению. Среди последних наибольшей активностью отличались политики, покинувшие ЛДП.

Первая проверка новой избирательной системы осенью 1996 г., казалось, оправдала и надежды, и расчеты обеих сторон, выступавших за ее пересмотр. Либерал-демократы, вернувшиеся к власти в коалиции с социалистами и небольшой партией Сакигакэ, смогли значительно упрочить парламентские позиции, а вскоре и восстановить большинство в палате представителей.

С другой стороны, образованная в конце 1994 г. сторонниками формирования двухпартийной политической системы, Партия новых рубежей (ПНР) на тех же выборах 1996 г. достигла определенного успеха, порождая у нее мечту стать реальным соперником ЛДП в борьбе за единоличную власть. Однако возникнув в качестве конгломерата разнородных политических группировок ПНР не продержалась еще до одних парламентских выборов и распалась в конце 1997 г.

На роль нового конкурента либерал-демократов выдвинулась Демократическая партия, созданная в канун выборов палаты представителей 1996 г., но затем значительно пополнившаяся за счет политиков из развалившейся Партии новых рубежей, включая бывших членов ЛДП.

В конечном счете главными соперниками на последних выборах стали ЛДП и Демократическая партия. При этом ЛДП, учитывая урок неудачного выступления на выборах палаты советников в 1998 г. стремилась создать условия для дальнейшего упрочения своих позиций в палате представителей. При поддержке союзников, которыми в 1999 г. стали центристская Комэйто (воссоздана после развала Партии новых рубежей) и Либеральная партия (образованная неоконсерваторами из той же Партии новых рубежей), либерал-демократы настояли на еще одной серьезной поправке к порядку формирования палаты

представителей: общая численность членов палаты уменьшена до 480 депутатов за счет сокращения 20 мест, определяемых результатами выборов по пропорциональной системе, партийным спискам.

Июньские выборы 2000 г. должны были дать ответ на волнующие японскую общественность вопросы, к чему приведет изменение порядка выборов, смогут ли они действительно приблизить формирование двухпартийной политической системы?

Выборы палаты представителей состоялись за четыре месяца до истечения полного срока полномочий ее депутатов. Палата была распущена по воле премьер-министра и председателя ЛДП Ёсиро Мори, лишь в апреле 2000 г. сменившего на этих постах внезапно заболевшего и быстро скончавшегося Кейдзо Обути. Досрочный роспуск палаты представителей давно стал обычной политической практикой в тех случаях, когда возникает необходимость найти выход из труднопреодолимых конфликтов между исполнительной и законодательной властями. Однако правящие круги могут пойти на такой шаг, чтобы перегруппироваться в выгодный для себя момент.

Кстати говоря, идея досрочных выборов витала в воздухе и при премьер-министре К. Обути, когда в паруса либерал-демократов начал дуть попутный ветер и появились легкие признаки начавшегося выхода японской экономики из затяжного застоя. И после смерти К. Обути высказывалась мысль, что соболезнования избирателей по поводу кончины популярного политика могут способствовать успеху ЛДП, если ожидание выборов не затянется.

Возглавив свою партию и правительство, Ё. Мори совершил оплошность, сделав несколько публичных заявлений в духе ультрапатриотизма, что нанесло ущерб его авторитету внутри собственной партии. В конечном счете, роспуск палаты представителей стал

иметь иной, вынужденный характер, направленный на то, чтобы предупредить обсуждение в парламенте готовившегося оппозицией предложения о выражении недоверия правительству.

Рейтинг кабинета резко упал. Согласно опросам, проводимым газетой «Асахи», поддержка кабинета Ё.Мори, составлявшая в апреле 41 %, к концу мая снизилась до 19 %, а доля не поддерживающих его возросла с 26 % до 62 %.

Новым моментом в политической обстановке перед выборами стал совпавший по времени с заболеванием К. Обути выход Либеральной партии из правящей коалиции. Такое решение ее лидера И. Одзавы вызвало раскол партии: одна половина депутатов последовала за своим главой, другая образовала Консервативную партию, высказавшуюся за продолжение союза с ЛДП. Не все гладко обстояло и в отношениях ЛДП с более крупным партнером по коалиции – Комэйто. ЛДП шла на выборы, договорившись с ней о взаимном выборном сотрудничестве в одномандатных округах, ожидая поддержки значительного электората Комэйто из числа стоящей за ее спиной многомиллионной буддистской организации Сака Гакай. Вместе с тем внутри ЛДП не было полного единства относительно состава коалиции, сохранялось неприязненное отношение к Комэйто и Сака Гакай. Исход выборов должен был определить судьбу и рамки правящей коалиции.

В ходе выборной кампании партии и кандидаты изложили собственное видение стоящих перед Японией проблем и путей их разрешения. Споры развернулись в первую очередь вокруг планов продвижения структурных реформ. Необходимость крупных социально-экономических преобразований признают практически все политические силы, претендующие на участие во власти. Другое дело – представление о

реальном, конкретном содержании реформ, об условиях и темпах их осуществления. Характерно, что руководство ЛДП, не считаясь с иными взглядами внутри собственной партии, фактически проводило линию на осторожное реформирование, отдавая на ближайшее время приоритет антикризисным мерам, в том числе путем продолжения политики стимулирования предприятий общественного сектора, поддержки малого и среднего предпринимательства, а также не стремясь чрезмерно форсировать административное дерегулирование. В вопросах, затрагивающих напрямую интересы широкого круга избирателей, например продолжения реформы социального обеспечения, ЛДП старалась избежать конкретных обещаний.

Оппозиционные партии с разных точек зрения критиковали экономическую политику ЛДП и правительства, упрекая их, в частности, в «разбазаривании государственных финансов», противопоставляли свое представление о реформах, нередко весьма радикальное, что особенно присуще Либеральной партии.

Немалое место в выборных баталиях занимали споры, касающиеся отношения к действующей Конституции, включая ее девятую, «мирную», статью (запрет иметь армию и отказ от военных методов межгосударственных проблем). Значительное число избирателей с трудом пыталось разобраться, что им может принести продолжение правления трехпартийной коалиции и чем может обернуться приход к власти Демократической партии. К концу выборной кампании довольно большая доля (до 40 %) так называемых беспартийных слоев избирателей, т.е. не отдающих предпочтение какой-либо партии, качнулась в сторону Демократической партии.

Заметно было применение и грязных технологий, в том числе спекуляций вокруг личности Ё.Мори.

В голосовании приняли участие около 63 % избирателей. В этом довольно низком для японцев показателе вряд ли стоит усматривать их политическую пассивность. Скорее, на избирательные участки не пришли те, кто не нашел среди кандидатов в депутаты и партий удовлетворительного для себя выбора.

Результаты выборов привели к осложнению положения ЛДП. В дополнение к отсутствию у нее большинства в палате советников она потеряла имевшееся до начала выборов большинство в палате представителей, ее депутатская фракция здесь сократилась на 38 человек. Превосходство над другими партиями ЛДП сохранила лишь на выборах той части депутатов, которая избиралась в одномандатных округах. Набрал в них в совокупности около 41 % голосов, ЛДП получила несравненно большую (59 %) депутатских мандатов. Имея громадный разрыв по общему числу полученных мест в палате с первой оппозиционной партией (233 против 127), ЛДП не намного опередила Демократическую партию при голосовании по партийным спискам: обе партии получили более чем по одной четверти голосов избирателей. Выборы еще раз подтвердили то, что отказ от прежних выборов исключительно по одномандатным округам и переход к новому их порядку, по которому большинство депутатов палаты избирается в одномандатных округах, создали большие преимущества крупным партиям, непропорционально их влиянию и авторитету среди различных слоев населения.

Существенные потери понесли и союзники ЛДП по правящей коалиции. Комэйто утратила 11 депутатских мандатов, сохранив третье, после Демократической партии, место главным образом за счет успеха при голосовании при пропорциональной системе (около 13 % голосов). Сокрушительным поражением завершился дебют на выборах Консервативной партии,

число ее депутатов сократилось с 18 до 7, причем рейтинг партии оказался настолько низким, что она не получила ни одного мандата по партийному списку.

Среди оппозиции выборы закрепили первое место за Демократической партией. Ее депутатская группа в палате представителей увеличилась на 32 места, а при голосовании по партийным спискам она, как уже было сказано, подошла довольно близко к результатам АДП. Заслуживает внимания и тот факт, что Демократическая партия более успешно выступала в крупных городах, но резко уступала либерал-демократам в провинции. Руководство Демократической партии расценило свой прогресс на выборах как признак превращения демократов в один из полюсов формирования двухпартийной системы.

Относительно успешным можно считать выборные результаты Либеральной партии, отказавшейся от участия в правящей коалиции. Численность ее депутатской группы по сравнению с тем, что она имела после раскола, немного возросла, но остается в два раза меньшей, чем до раскола. Парадоксально, но Либеральная партия, особенно рьяно ратовавшая за выборы по одномандатным округам, сохранила за собой право на самостоятельную законодательную инициативу (в палате представителей для этого нужно иметь не менее 20 голосов) только благодаря успеху на выборах по пропорциональной системе, где она собрала 11 % голосов.

Пересмотренная избирательная система стала крупной помехой Коммунистической и Социалистической партиям Японии. По одномандатным округам КПЯ не смогла провести ни одного депутата, хотя выдвинутые по ним ее кандидаты в целом собрали более 12 % голосов. Все 20 мест КПЯ в палате получены по

партийному списку, который поддержали несколько больше 11 % голосовавших.

Что касается СПЯ, то после ряда крупных поражений на предыдущих парламентских выборах она чуть-чуть продвинулась, но не достигла даже весьма скромной заявленной цели – получить 21 депутатский мандат.

Завершая обзор выборных результатов, следует заметить, что искусственное создание условий для формирования в Японии двухпартийной политической системы пока играет на руку главной «партии власти», каковой является ЛДП. Вместе с тем ЛДП не возвратила того влияния, которым обладала до 1990-х гг. В Японии сохраняется многопартийность, а либерал-демократы вынуждены искать себе партнеров по коалиционному правлению. Последние выборы популярности им не прибавили.

В стране все еще нет политической силы, способной в одиночку соперничать с ЛДП за власть. Несомненного упрочения парламентских позиций Демократической партии явно недостаточно, а дальнейшее расширение ее влияния сдерживается, как почти единодушно полагают японские обозреватели, отсутствием четко определенной политической ориентации, разнородностью состава партии и ее организационной слабостью. Демократическая партия продолжает рассчитывать на возможность присоединения к ней в перспективе либеральных политиков, в том числе из ЛДП, и захват, таким образом, единоличной власти в парламенте. Вместе с тем она после выборов призывает другие оппозиционные партии к координации совместных действий в парламенте с целью недопущения произвола ЛДП и ее союзников.

4 июля 2000 г. на особой сессии парламента головами ЛДП, Комэйто и Консервативной партии Ё.Мори получил право на формирование нового правительст-

ва. Премьер-министр оставил прежних министров – иностранных дел Ё. Коно и финансов К. Миядзаву, начальников управления экономического планирования Т. Сакаия и общих дел К. Цудзуки, что объясняется в первую очередь необходимостью преемственности и проведения саммита на Окинаве. Остальные посты членов кабинета распределились в основном по заявкам внутрипартийных депутатских фракций и в соответствии со степенью их влиятельности. По одному посту в кабинете получили Комэйто и Консервативная партия. На ответственную должность генерального секретаря кабинета, играющего роль самого доверенного лица, «правой руки» премьер-министра, Ё. Мори назначил Х. Накагаву – политика из собственной фракции. Средний возраст членов этого кабинета – 66 лет, самый высокий за последнее десятилетие.

Кабинет Ё. Мори называют в Японии промежуточным, имея в виду, что следующие парламентские выборы могут серьезно изменить обстановку в партийной и политической системе Японии.

Еще одна важная черта политической и парламентской жизни Японии – ее строгая преемственность традиций, вплоть до передачи депутатских полномочий «по наследству». Кризис внутри ЛДП 2000 г., связанный со смертью ее видных деятелей, в недавнем прошлом премьер-министров страны, Кейдзо Обути и Нобору Такэсита, заставил многих политиков по-новому взглянуть на положение в стране, о чем говорилось ранее. Хотя в списках вновь избранных членов палаты представителей парламента фамилии Обути и Такэсита опять присутствуют. Это не однофамильцы и тем более не дань заслугам известных политиков, «навечно внесенных в списки» депутатов палаты представителей. Просто голоса избирателей в округах, где доминировали ушедшие из жизни политики, перешли к их ближайшим родственникам вместе с де-

путатскими удостоверениями. В случае с Обути – это его 26-летняя дочь, с Такэситой – его младший брат.

Надо отметить, что подобные случаи весьма нередки и не подпадают под понятие «исключение из правил». Среди династий, обосновавшихся в парламенте, часто мелькают известные в Японии фамилии Хатояма, Фунада, Коно, Накасонэ, Одзава, Танака, Исихара. До 30 % парламентариев (около 140 человек) получают свои депутатские мандаты по наследству. Среди них немало политиков не только во втором, но и в третьем, даже в четвертом поколении. И это отнюдь не дань пережиткам прошлого. На последних парламентских выборах 25 июня 2000 г. 177 из 1404 зарегистрированных кандидатов принадлежали к политическим династиям.

Проблема, впрочем, не столько в повторяемости фамилий, сколько в отсутствии у новобранцев серьезного политического опыта. Немалое число таких кандидатов знакомы с депутатской деятельностью лишь по скромному опыту работы секретарем у парламентария, когда они в дни студенческих каникул подрабатывали в офисе своего именитого отца или дяди, наклеивая марки на конверты с корреспонденцией.

Сами представители наследственного парламентаризма так не считают. Дочь бывшего премьер-министра Какуэя Танаки заявляет: «Никто не удивляется передаче профессии по наследству, например, у актеров театра Кабуки. В этом нет ничего странного. Дети актеров вырастают за кулисами, дышат атмосферой театра, с детства проникаются театральными традициями. Кому как не им выходить в будущем на сцену Кабуки? Но ведь и мы с ранних лет накапливаем бесценную информацию, почерпнутую в отцовских офисах»¹.

Впрочем, как утверждают циники, дело не в особой атмосфере. Для занятия кресла в парламенте не-

обходимы три «бан»: «дзибан» (контроль над рычагами власти на местах, в избирательном округе), «канбан» (узнаваемая фамилия) и «кабан» (финансы). Обладание этими тремя «банами» автоматически приводит к избранию в ряды законодателей. Огромнейшую роль в этом играют ассоциации поддержки, организующие сбор средств в фонд кандидата и его рекламную кампанию. С наследственными парламентариями этот процесс оказывается проще. Ведь у них уже есть налаженные связи в финансовой среде, поэтому подобные кандидаты редко проигрывают.

Примечание

¹ Рожденные управлять? // Япония сегодня. 2000. № 8. С. 23.

2. ИСТОРИКИ

Т.А. Сидорова

ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОРИК ФРЕДЕРИК УИЛЬЯМ МЕЙТЛЕНД

Исследователи XXI века будут в лучшем положении, чем мы, чтобы вынести вердикт о важнейших достижениях жизненного труда Ф.У. Мейтленда, как мы сейчас имеем более веские основания говорить о Сельдене и Блэкстоуне, нежели их современники.

Юристы, историки и социологи обязаны Мейтленду в равной степени: юристы – предметом исследования, историки – методами, социологи – результатами.

П.Г. Виноградов¹

Известность и неизвестность историка – величины переменные. Зыбкость и подвижность критериев этих понятий позволяют едва ли не каждому новому поко-